

ИСТОРИЯ

свыше 600 000 томов, вывозили только самое ценное: рукописи, старопечатные книги. Перевезти все было невозможно. Значительная часть материальных ценностей университета осталась в Москве. Многие отдали в Варшаву в 1921 году после Рижского мирного договора и в Народную Польшу в 1960-х годах. Какая-то часть погибла во время Великой Отечественной войны.

До наших дней дожили книги со штампом библиотеки Императорского Варшавского университета, изданный из профессорских собраний, части нумизматического кабинета, пособия из археологического кабинета, часть оборудования обсерватории, чучела птиц из зоологического музея, микроскоп начала 20 века, выпускный альбом студента-медика 1913 года.

— Кто поступал в университет в Ростове, как изменился состав студенчества?

Стало больше студентов-евреев, для которых в Варшаве существовали ограничения для получения высшего образования — жесткая квота в 10 процентах, появились студенты из армянской и калмыцкой общин. Сильно сократилась численность семинаристов. Что касается казаков, то их в первых наборах оказалось меньше 2 процента. Это объясняется тем, что они предпочитали более практическое и прикладное образование. Было понятно, где и ком будет работать агроном, счетовод или инженер, а вот кто такой филолог? Сказанное касается и выходцев из среды южнороссийских крестьян — в Политехническом институте их было больше, чем в университете.

— Как университет изменил город?

Качественно изменилась его интеллектуальная и культурная жизнь. По большому счету город индустриальной эпохи становится городом и завершается как проект, когда в нем появля-

ется университет. Профессура здесь создала новые высшие учебные заведения: Археологический институт, Донской коммерческий институт, Женский медицинский институт. Вместе с Варшавским университетом переехали и Высшие женские курсы.

В жизни Ростова появились многочисленные университетские мероприятия, новые формы досуга и новые культурные привычки: благотворительные балы, различные концерты, публичные лекции профессоров, студенческая пресса, распространение различных подсписок, шумные студенческие пирушки и посиделки (несмотря на сухой закон военного времени).

СОВЕТСКАЯ ЛОМКА

— Как университет принял на себя власть?

Сохранилась телеграмма, которая была отправлена в Таврический дворец с поддержкой случившейся Февральской революции от лица профессоров и студентов Варшавского университета в Ростове-на-Дону. Они выражали надежду, что революция принесет стране ломическую свободу, а университету — свободу академическую. Правда, весной-летом 1917 года, когда студенты начинали ставить свои условия ректору и Совету, мотивируя это революционными преобразованиями в стране, это воспринимается болезненно. Что касается Октябрьской революции, для большинства в университете новая власть была нелегитимной. А для самих революционеров профессора были социально чуждым элементом — «бывшими лицами чиновничего состояния». Не будем забывать, что они являлись государственными служащими империи.

— В годы гражданской войны продолжалась учеба?

— Да, и не только учеба. Велась и научная работа, несмотря ни на что. Но отноше-

ния и с белыми, и красными, и с Всевеликим войском Донским были сложными. И те, и другие, и третий пытались призвать студентов-медиков на фронт, реквизировать имущество и любими располагать свои госпитали в учебных корпусах. Многие студенты пошли в Добропольскую армию и прошли ее немецкий путь в годы гражданской войны. Огромные потери в эти годы понес профессорский корпус университета — и не только из-за революционного насилия или репрессий (здесь можно вспомнить судьбу профессора Колли, убитого красноармейцами в 1918 году или профессора Жандра), но и из-за эпидемий сыпного тифа, малярии и голод.

— Как изменился университет после победы советской власти?

— Во-первых, советская власть активно регулировала студенческий и преподавательский состав. Для этого создавались рабфаки, институты красной профессуры. Для новой власти было критически важно насытить университетские кафедры и аудитории людьми, лояльными новой системе. Как бы мы не относились к советской власти, она сделала доступным высшее образование. Когда бывшие техники превращались в вузы, это, конечно, было катастрофой, но с другой стороны в новых условиях был обеспечен массовый выпуск специалистов. Профессора постоянно жаловались на недостаточность знаний студентов. Есть ведомости вступительных экзаменов. Заносились иногда даже те, кто получил неудовлетворительную оценку.

Во-вторых, радикально изменились идеологические принципы обучения, особенно по гуманитарным и социальным направлениям, а многие из них стали просто неуживчивы. Как и читавшие их профессора. Какие, например, перспективы были в большевистской России у

Казимировский дворец — главное здание Императорского Варшавского университета (конец XIX века)

профессора по кафедре церковного права?

В советские годы университет пережил много трансформаций. Его реорганизовывали, менялся состав факультетов, объединяли, вновь разъединяли. В первые годы советской власти он остался Донским, в 1925 году стал Северо-Кавказским. В 1930 из его факультетов были созданы самостоятельные профильные вузы, в частности, медицинский, педагогический и финансово-экономический институты. С 1934 года он стал Ростовским-на-Дону государственным университетом.

— Что было с университетом в Великую Отечественную войну?

— Война, конечно, стала колоссальным испытанием. В первые ее дни свыше 600 студентов университета и около 70 сотрудников ушли добровольцами на фронт. Но университет продолжал работать в Ростове до лета 1942 года. Планировалось новый учебный год начать в июне, но проводить в условиях военного времени канву. Но тяжелейшие последствия немецкого наступления заставили университет эвакуироваться.

В результате бомбежки были полностью уничтожены здание физико-математического факультета, научная библиотека со значительной частью книжного фонда. В июне 1942 года сотрудники и студенты были эвакуированы в Махачкалу, но там организовать работу оказалось невозможно. Было принято решение о новом переезде — в город Ош Киргизской Республики, где университет проводил почти два года и вернулся домой только в мае 1944-го.

Естественно, научная работа университета изменилась содержательно. Задачи стояли более прикладные, связанные с нуждами фронта: разведка месторождения важных ресурсов, повышение урожайности культур, расчеты, связанные с механикой стрелкового вооружения.

— Свою славу одного из лучших научных и образовательных центров юга страны университет получил при ректоре Ю.А. Жданове, который считается культовой личностью в университете.

Караваны его заслуг?

— Жданов был ректором с 1957 по 1988 годы и стал олицетворением этого классического периода в истории РГУ. Есть несколько обстоятельств, объясняющих, почему.

Он был человеком энциклопедической образованности, при этом совмещал широкие теоретические горизонты с практическим взглядом организатора, причем, исключительно энергичного и, как говорили тогда, пробивного. Кроме того, ему удавалось видеть поле потенциального синтеза различных дисциплин и научных методов — органической химии, экологии и математического моделирования, например.

Именно в период его ректорства был создан Северо-Кавказский научный центр высшей школы, который интегрировал работу вузов на Кавказе, и задавал, в хорошем смысле, научную моду для целого региона. Сам Жданов хотел создать полновесный филиал Академии наук в Ростове, этого не случилось, но значение СНЦ ВШ трудно переоценить. В этот — ждановский — период была сформирована система научно-исследовательских институтов Ростовского университета, начатая еще в 20-30-е годы. НИИ РГУ дали целую плеяду больших учёных и, собственно, прославили университет.

Наконец, это его человеческие качества и разносторонние художественные таланты — здесь и поэзия, и музыка, и графика...

— В университете любят рассказывать о его теплом отношении к студентам. Можно сказать, что он старался строить эти отношения равными?

— Это иллюзия насчет равных отношений. Университет хитро устроен: он провозглашает свою корпоративность и общую солидарность, но в реальности вся университетская жизнь строится на власти профессоров и педагогов по отношению к студенту. Власти самой разной: от прямой административной до символической, возрастной и так далее.

Однако всегда существует определенная дистанция, которую отстраивает климат в университете. Юрий Андреевич в этом отношении про-

являл интерес к обычным рядовым занятиям, мог зайти в аудиторию, побоиться с преподавателями, многих знал по имени и здоровался за руку. Любил музенировать и общаться, что называется, без пафоса. Сохранился огромный архив фотографий со Ждановым, где он — участник всех университетских мероприятий. Он очень точно чувствовал академическую дистанцию. Просто его метод управления были не только распоряжения и приказы, но и человеческие отношения.

— Вы помните, как университет переживал развал Советского Союза?

— Я учился в период «сразу после» — с 1990 по 1995 годы. Когда поступал, еще нужна была рекомендация от комитета комсомола, у нас же идеологический факультет. Была даже группа историков партии, какой, сами понимаете. Студенты активно обсуждали политику и даже вней участвовали — это было время партийного строительства и, пожалуй, настоящей электрорадиальной демократии.

Мы выпускали самодеятельные газеты идеологического и сатирического содержания. Студенты, как мне кажется, были больше вовлечены в университетскую политику. У нас ярко и публично проходили кампании по выбору деканов, а претенденты стремились заручиться и студенческой поддержкой.

Я помню неоднократные конфликты, которые решались коллегиальными студенческими петициями. У нас была история с просьбой замены преподавателя. По мнению студентов, он был некомпетентен. То, что я знаю точно, студенты были категоричны и самоуверены. Но своего добились, и в этой группе преподавателя сменили.

Сейчас студенческое самоуправление мало влияет на политику в стенах университета. У него свои функции: спорт, творчество, волонтерство. В 90-е годы было больше открытий и реальной избирательности. В этом плане, мы, кстати, вернулись к императорским временам.

Подготовила
Марина Меркурова,
портал «Русская планета»

Собрание Правления Медицинского научного общества Донского университета (1920-е гг.)